

От коммуникативной памяти к культурной: межпоколенческая трансформация представлений о Великой Отечественной войне

Федоров Валерий Валерьевич

Кандидат политических наук, генеральный директор АЦ ВЦИОМ, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, SPIN-код РИНЦ: [8419-3106](#), ORCID: [0000-0002-0749-4475](#), fedorov@wciom.com

Аналитический центр ВЦИОМ; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ.

Львов Степан Васильевич

Кандидат социологических наук, председатель Научного совета, доцент, SPIN-код РИНЦ: [5114-8255](#), ORCID: [0000-0003-0482-099X](#), lvov@wciom.com

Аналитический центр ВЦИОМ; Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ.

Аннотация

Статья посвящена анализу межпоколенческой трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в контексте смены поколений. Актуальность исследования обусловлена конституционным закреплением нормы о защите исторической памяти и необходимостью лучше понимать механизмы ее передачи в условиях естественного ухода свидетелей событий, продолжения социализации миллениалов и вступления во взрослую жизнь поколения цифры, создания новой коммуникационной среды, в которой особую роль играют цифровые технологии. На основе вторичного анализа данных всероссийских опросов ВЦИОМ (2001–2025 гг.) с использованием поколенческой классификации, предложенной В.В. Радаевым, исследуется динамика представлений шести поколений россиян о войне и Победе. Применяется фасетная, многоаспектная классификация для анализа открытых вопросов, позволяющая выявить семантические аспекты исторической памяти. Установлен переход от коммуникативной памяти старших поколений, основанной на личном опыте и семейных историях, к культурной памяти младших когорт, преимущественно формируемой институционально. Выявлены доминирование эмоциональных ассоциаций у миллениалов и пока необъяснимая рационализация памяти у поколения цифры. Установлен высокий уровень осведомленности поколений застоя и реформенного поколения. Обнаружены парадоксальные характеристики младших миллениалов, демонстрирующих критический потенциал к официальной политике памяти. Несмотря на высокий уровень консенсуса по поводу значимости Победы в обществе, зафиксированы скрытые межпоколенческие различия в интерпретации ключевых аспектов войны, требующие учета при проектировании социальных процессов.

Ключевые слова

Историческая память, Великая Отечественная война, межпоколенческая трансмиссия, коллективная память, политика памяти, коммеморативные практики, поколенческий анализ, социальное знание.

Для цитирования

Федоров В.В., Львов С.В. От коммуникативной памяти к культурной: межпоколенческая трансформация представлений о Великой Отечественной войне // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(S). С. 78–93. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-78-93

From Communicative to Cultural Memory: Intergenerational Transformation of Perceptions of the Great Patriotic War

Valery V. Fedorov

PhD, VCIOM General Director, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications,
ORCID: [0000-0002-0749-4475](#), fedorov@wciom.com

VCIOM Analytical Center, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Stepan V. Lvov

PhD, Chairman of the Scientific Council, Associate Professor, ORCID: [0000-0003-0482-099X](#), lvov@wciom.com

VCIOM Analytical Center, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article analyzes the intergenerational transformation of the historical memory of the Great Patriotic War in the context of cross-generational change. The relevance of the study is determined by fixation of the norm for protecting historical memory in the new version of Russian Constitution and the need to understand the mechanisms of its transmission in the context of the natural death of witnesses to the events, the continued socialization of millennials, the entry of a new generation of zoomers into adulthood, and the creation of a new digital communication environment. Based on a secondary analysis of data from VCIOM (Russian Center of the Public Opinion Research) surveys (2001–2025) and using the generational classification proposed by prof. Vadim Radaev, the dynamics of six generations' perceptions of the war and Victory are examined. A faceted multidimensional classification is used to analyze open-ended questions, allowing us to identify the semantic aspects of historical memory. A shift is established from the communicative memory of older generations, based on personal experience and family histories, to the cultural memory of younger cohorts, primarily shaped institutionally. The study revealed a predominance of emotional associations among millennials and (not yet) unexplained rationalization of memory among the digital generation. High levels of awareness were found

among the generations of stagnation and the reform generation. Paradoxical characteristics of younger millennials were discovered, demonstrating a critical potential for official memory policy. Despite a high consensus regarding the significance of Victory in society, hidden intergenerational differences in the interpretation of key aspects of the war were identified, requiring consideration when designing social processes.

Keywords

Historical memory, Great Patriotic War, intergenerational transmission, collective memory, memory policy, commemorative practices, generational analysis, social knowledge.

For citation

Fedorov V.V., Lvov S.V. (2025) From Communicative to Cultural Memory: Intergenerational Transformation of Perceptions of the Great Patriotic War. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 78–93. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-78-93

Дата поступления/Received: 02.11.2025

Введение

В 2020 году наряду с другими правками в Конституции РФ была закреплена норма о защите исторической памяти. Ее практическая реализация требует вдумчивого социального проектирования и углубленного изучения исторической памяти. Определение направления политики памяти — это проектирование будущего вектора развития страны. Как отмечает А.Н. Малинкин, «внимание нужно направлять. Когда это делаем не мы, это делают другие, но по-своему» [Малинкин 2020, 31]. Для того, чтобы сформировать у молодых людей интерес к истории страны, соответствующие ценности и поведение, одной лишь воли недостаточно. Без понимания способов передачи исторического знания и опыта от поколения к поколению такие проекты обречены на провал.

Обновление поколений — это объективный непрерывный процесс. В этом году страна отметила 80-летний юбилей Победы практически уже без ветеранов. В 2020 году празднование 75-летия Победы, в «котором могли принять сколько-нибудь заметное участие ветераны», оказалось смазанным из-за пандемии коронавируса [Бешкинская, Миллер 2020, 60]. Тогда страна осталась без ритуала, который мог бы повлиять на формирование исторической памяти зумеров по-другому, не так, как это случилось.

Немецкий историк Ян Ассман на материалах классической эпохи установил ограниченность памяти современников, «основанной на собственном опыте и слышанных рассказах», 80-ю годами [Ассман 2004, 51]. Он также ссылается на опыт Л. Нитхаммера, исследователя «устной истории», который отводил «живой памяти» в письменных обществах срок в 80 лет [Там же, 54]. Данные описания могли быть применимы к Древней Греции или Германии 2-й половины XX века. Генерализовать этот вывод и применить к интерпретации коллективной памяти в российском обществе невозможно. Тем не менее это наблюдение указывает на неизбежность фазового перехода в характере коллективной и культурной памяти, обусловленного сменой поколений и изменением коллективных статусов в обществе.

Цифровая революция — еще одна причина важности изучения межпоколенческой трансформации исторической памяти. Цифровые альтернативы коммеморативных практик (например, онлайн-акция «Бессмертный полк»), интерактивные и виртуальные музеи, акции и концерты, фильмы и сериалы о Великой Отечественной войне (ВОВ) в онлайн-кинотеатрах стали органичной частью ритуальных практик, доступных прежде всего для молодежи. Вместе с тем возникают риски, связанные с одиночными инцидентами в цифровом пространстве¹, или происходит противопоставление образов и памяти о событиях войны официальным нарративам о ВОВ, когда в социальных сетях критика коммеморативных мероприятий используется как способ донесения обеспокоенности социально-экономическими проблемами. Используя современные методы, молодые

¹ Оскорбление памяти о Великой Отечественной войне // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oskorblenie-pamyati-o-velikoj-otechestvennoj-vojne> (дата обращения 07.10.2025).

ученые из разных регионов обнаружили «тенденции поляризации и фрагментации массового исторического сознания в региональном интернет-пространстве» [Линченко и др. 2025, 47–48].

Исторический и теоретический контекст. Поколение застоя, а также пореформенное поколение, которое успело получить позднесоветский коммеморативный опыт в детстве, стали носителями позитивного мифа и в то же время остаются наиболее осведомленными в вопросах истории войны. В 1965 году День Победы объявляется выходным днем, и с этого момента он выполняет специфические функции годовщины. Алейда Ассман выделяет среди них три функции. Первая — совместное участие: повторение реактивирует прошлое и создает новый совместный опыт, формируя публичный хронотоп для организованного возвращения к нему. Вторая функция — так называемое «мы-инсценирование», когда годовщины дают «воображаемым сообществам» (по Б. Андерсону) и организациям (ветеранам и ветеранским организациям, комсомолу и пионерской организации) периодическую публичную арену для демонстрации и восприятия коллективной идентичности. Третья функция — это импульс к рефлексии: регулярные ритуалы переводят историю в миф, тогда как нерегулярность и спорность трактовок (как это было в первый описываемый нами период), напротив, демифологизируют прошлое и снова делают его историей [Ассман 2014, 253–255].

После развала СССР, вплоть до 2010-х годов активизировались попытки по дискредитации героического прошлого. В это время появляется пласт научно-популярной литературы, слепо или намеренно копирующей западные нарративы альтернативной памяти. Стал громко слышен голос тех, кто утверждал, что Победа в ВОВ — единственный предмет гордости обанкротившегося российского общества, якобы приватизированный авторитарным государством².

Западная политика памяти о Второй мировой войне (ВМВ) в описываемый период находится в поиске нарратива, которым будут обеспечены новые поколения. Н.Ю. Кулешова полагает, что важнейшую роль в пересмотре истории сыграла концепция тоталитаризма, призванная «отделить понятие свободы от социализма, а роль единственного освободителя и “истинного” победителя передать США и его западным союзникам» [Кулешова 2021, 428]. Это определение надо признать несколько прямолинейным, поскольку интерес западных элит состоял в том, чтобы обеспечить переход от коллективной памяти свидетелей эпохи к универсальной культурной памяти.

Нарратив в массовом сознании, в котором в течение нескольких десятилетий основная роль в победе безусловно отдавалась Советскому Союзу, оказался невыгоден западному обществу. На вопрос Французского института общественного мнения (IFOP) «Какая страна, по вашему мнению, внесла наибольший вклад в разгром Германии в 1945 году?» 54% опрошенных в 2015 году ответили «Соединенные Штаты». Однако в мае 1945 года 57% отдавали предпочтение СССР, а американцев назвали лишь 20% французов. Французские исследователи назвали событие, которое предопределило историческое сознание нового поколения, — организованные Ф. Миттераном в 1984 году памятные мероприятия в честь высадки союзников в Нормандии³. Поколение, которое столкнулось с этим событием в период формирования своих представлений об истории, по разным причинам восприняло это как полезное знание, отбросив как неподходящую картину, в которой ключевую роль в победе над фашизмом играл СССР. У Запада не было возможности переориентировать исторический дискурс с трагического на триумфальный, и там решили продлить трагическую линию, в которой моральная ответственность лежит на всех европейских странах, включая СССР/Россию. Чтобы в покаянии приняли участие все, в том числе вчерашние триумфаторы, была поднята тема Холокоста, более чем на два десятилетия ставшая рефреном политик памяти в Европе.

² Гудков Л.Д.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Журнальный зал [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/pamyat-o-vojne-i-massovaya-identichnost-rossiyan.html> (дата обращения: 07.10.2025).

³ Л.Д. Гудков внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов 14 февраля 2025 г.

³ La nation qui a le plus contribué à la défaite de l'Allemagne // Ifop [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifop.com/article/la-nation-qui-a-le-plus-contribue-a-la-defaite-de-lallemagne/> (дата обращения: 07.10.2025).

Этот пример показывает, что политика памяти может быть сконструирована как гибрид рациональных оснований — знаний, распространяемых через систему образования, и негативных эмоций — чувства вины и раскаяния, для которых была разработана соответствующая коммеморация. Руководитель проекта «The Europeanisation of the Holocaust memory in Eastern Europe» открыто признается в том, что «европеизация» памяти о Холокосте была определена как процесс «конструирования, институционализации и распространения убеждений, формальных и неформальных норм и правил, а также образования». Они были сначала определены и консолидированы на европейском уровне, а затем включены в практику восточноевропейских стран⁴. Этот общеевропейский опыт отразился и на российских миллениалах. В период открытости нивелирование предмета коллективной гордости становится моральной нормой, а моральным достижением — участие в покаянии. «Европеизация» памяти коснулась не только стран Восточной Европы, но и бывших советских республик: на самостоятельный вектор исторической памяти позже смогли выйти только в России и Беларуси.

С начала 2000-х гг., когда Великой Отечественной войне системно возвращается сакральный статус, нормативно очерчиваются границы того, что можно и что нельзя делать в отношении памяти о ней. Россия включается в процесс, когда современные политические сообщества, организованные по принципу нации, видят в политике памяти инструмент, обеспечивающий «долгую преемственность во времени». История становится не простой последовательностью событий, а способом организации и понимания социального порядка. Коллективная память подкрепляет «нормативные и причинные утверждения “эмпирическим” опытом многих поколений» [Малинова 2015, 128].

Р. Брубейкер выдвинул компактную концепцию социальной памяти (он позиционирует ее как альтернативу конструктивизму и группизму), включив в нее следующие тезисы:

- каждое поколение создает собственную версию истории, исходя из актуальных задач и ценностей, что означает непрерывный процесс (ре-)интерпретации исторических событий;
- даже личные воспоминания формируются под влиянием социокультурного контекста, что делает память коллективным, а не личным феноменом;
- процесс формирования коллективной памяти включает не только отбор «полезных» и «рациональных» элементов прошлого, но и сознательное исключение неподходящих фактов, а в исключительных случаях даже откровенное «изобретение» [Брубейкер 2012, 290–291].

Тезисы Брубейкера должны быть дополнены еще одним положением: ни одно поколение, даже глубоко заинтересованное в передаче исторической памяти, не может сделать это в неискаженном виде. Поколения находятся под воздействием разных дискурсов, актуальных и релевантных социальным нормам своего времени, поскольку «разнообразные передаваемые из поколения в поколение нарративы, описывая “общую судьбу” определенной социальной группы, как правило, неизбежно упрощают и искажают картину прошлого» [Прошлое для настоящего 2020, 17].

Исследование, проведенное Г. Шуманом и Ж. Скотт в 1985 году в США, убедительно показало, что коллективная память формируется под сильным влиянием возраста, в котором человек эти события переживает. Они установили, что: а) память структурируется по возрасту; б) события, происходившие в юности, оказывают максимальное влияние на память; в) смысл, который люди вкладывают в воспоминания, зависит от поколенческой принадлежности [Schuman, Scott 1989].

⁴ Final Report Summary — EURHOLMEM (The Europeanisation of the Holocaust memory in Eastern Europe) // Cordis [Электронный ресурс]. URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/330424/reporting> (дата обращения: 07.10.2025).

Вопросы и гипотезы. Российское массовое сознание стоит на пороге больших изменений, связанных с выбытием социально-персональных ассоциаций с войной, снижением влияния традиционной коммуникативной памяти и усилением элементов культурной памяти. По мере смены поколений произойдет переход от коммуникативной памяти (основанной на непосредственном опыте и контакте с очевидцами) к памяти культурной (институционально поддерживаемой через образование, медиа и ритуалы). То, что было памятно в силу того, что опиралось «на солидную инфраструктуру и/или подкреплено опытом еще живых поколений» [Малинова и др. 2022, 125], уходит в прошлое. Данная прогнозная рамка требует подтверждения или опровержения ряда частных гипотез:

- характер исторической памяти о ВОВ отличается у поколений россиян в зависимости от периода их социализации и особенностей коммуникации существенно — сильнее, чем кажется на первый взгляд;
- сохранить историческую память в начале XXI века во многом удалось благодаря высокому уровню фактологических знаний поколений застоя и реформенного поколения, чья социализация пришлась на период активного формирования коммуникативной культуры;
- несмотря на высокий уровень общественного консенсуса о важности сохранения памяти о войне, существуют скрытые межпоколенческие расхождения в интерпретации ключевых аспектов войны, которые могут стать триггером идеологических споров в будущем;
- поколения, социализация которых происходила в период открытости всему западному, до сих пор подвержены альтернативным нарративам о войне;
- поколение цифры, не обладая высоким уровнем фактологических знаний, отличается интуитивным чувством отделения идеологического мейнстрима (помимо лояльности к нему) от маргинальных идеологий.

Материалы и методы

Проверка выдвинутых гипотез осуществлена на основе вторичного анализа количественных данных — результатов нескольких инициативных всероссийских опросов «ВЦИОМ-Спутник», которые ведутся с 2017 г. по единой методике.

С полными результатами исследований, использованными в данной статье, включающими текст аналитического обзора, кросс-таблицы, массивы данных в формате SPSS и описание методики (объем выборки, принципы отбора, ошибка выборки, метод сбора, информация о результативности телефонных опросов), можно ознакомиться по приведенным ниже ссылкам:

- 1) ВЦИОМ. «Чтобы помнили!». Аналитический [обзор](#) от 19 апреля 2023 г., дата проведения опроса — 14.04.2023;
- 2) ВЦИОМ. «День Победы — 2023». Аналитический [обзор](#) от 4 мая 2023 г., дата проведения опроса — 23.04.2023;
- 3) ВЦИОМ. «9 мая и память о Великой войне». Аналитический [обзор](#) от 7 мая 2024 г., дата проведения опроса — 27.04.2024;
- 4) ВЦИОМ. «Великой Победе — 80 лет!». Аналитический [обзор](#) от 28 апреля 2025 г., дата проведения опроса — 04.04.2025.

Ограничения анализа вторичных данных. В литературе описаны ограничения, связанные с анализом вторичных данных в разных отраслях науки [Cheng, Phillips 2014]. Большая часть ограничений преодолевается наличием всех необходимых данных в базе ВЦИОМ, другие —

гарантиями авторов, принимавших участие в проведении перечисленных исследований в разных качествах.

Подход к сегментации поколений. При анализе данных мы отказались от использования традиционных возрастных интервалов, отдавая предпочтение классификации поколений, предложенной В.В. Радаевым (Таблица 1). При вторичном анализе были составлены необходимые для поколенческого анализа таблицы.

Таблица 1. Классификация российских поколений⁵

Поколение	Период рождения	Период взросления
Мобилизационное поколение	1938 г. и ранее	1941–1955 гг.
Поколение оттепели	1939–1946 гг.	1956–1963 гг.
Поколение застоя	1947–1967 гг.	1964–1984 гг.
Реформенное поколение	1968–1981 гг.	1985–1999 гг.
Поколение миллениалов ⁶	1982–2000 гг.	2000–2016 гг.
Поколение зумеров ⁷	2001 г. и позднее	2017 г. и позднее

Фасетная (многоаспектная) классификация. При анализе ответов на открытый вопрос о событиях и фактах, связанных с историей ВОВ, предпринята попытка использовать фасетную (многоаспектную) классификацию созданных кодов. Такое решение вызвано тем, что некоторые кодированные переменные могут быть отнесены к разным типам. Допустим, код «Блокада Ленинграда» может иметь разный семантический аспект (как минимум топологический — «привязка к месту», и эмоциональный — «трагедия, жертвы»), который не может быть однозначно определен в ходе интервью (опроса).

Преимуществом метода является гибкость, способность описывать большое количество объектов предметной области и включать новые объекты. В основе метода лежит относительно экономичный, заранее определенный набор фасетов. При этом «фасеты не обязательно должны быть упорядочены или принадлежать к одному типу, хотя они должны быть четко определены и взаимоисключающими» [Herring 2007].

Данный метод редко применяется в социологии, где преобладает ориентация на таксономию на основе жесткой иерархической классификации. Фасетная классификация лежит в основе библиотечных каталогов, используется в исследованиях пользовательского опыта (UX)⁸, в машинном обучении, в последнее время к нему стали чаще обращаться при изучении культурных предпочтений [Park, Han 2024].

Результаты

Вопрос трактовки консенсуса по вопросу о значении Победы. В отношении памяти о ВОВ в российском обществе сформирован всеобщий консенсус, и он близок к абсолютному значению. Но если принять за маркер консенсусного поведения выбор варианта «определенно важно», то логично предположить, что, выбирая ответ «скорее важно» (в 2023 — 16%, в 2025 — 12% от всех опрошенных), респондент допускает возможность некоторых отступлений. В 2023 году консенсусный тип демонстрировали 77% представителей поколения цифры и 72% младших миллениалов, то есть примерно четверть молодежи оказалась вне консенсусной группы. За два года произошли качественные изменения внутри этих двух сегментов: поколение цифры развернулось

⁵ Источник: [Радаев 2019, 49].

⁶ В. Радаев аналитически устанавливает необходимость разделения поколения миллениалов на «старших» (1982–1991 гг.) и «младших» (1992–2000 гг.), это деление применено и в данном исследовании [Радаев 2019, 156].

⁷ В исследованиях ВЦИОМ используется название «поколение цифры».

⁸ Sirovich J. Categories, Facets — and Browseable Facets? // UX matters [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uxmatters.com/mt/archives/2011/08/categories-facetsand-browsable-facets.php> (дата обращения: 07.10.2025).

в сторону консенсусного типа поведения (рост + 13 пп.), тогда как та же четверть младших миллениалов остается за пределами этого поля, гораздо чаще других отказываясь от установки на безусловную поддержку (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение ответов на закрытый вопрос «На Ваш взгляд, в наши дни важно или не важно сохранять память о Великой Отечественной войне?». Представлена доля ответов «определенно важно», в % от всех опрошенных, 2023 г., 2025 г.⁹

	2023	2025	Изменение
Поколение цифры (2001 г. и позднее)	77	90	+13
Младшие миллениалы (1992–2000)	72	75	+3
Старшие миллениалы (1982–1991)	81	88	+7
Реформенное поколение (1968–1981)	86	86	0
Поколение застоя (1948–1967)	83	87	+4
Поколение оттепели (до 1947)	81	90	+9
Все опрошенные	82	87	+5

На Западе считают очень важной передачу памяти через главный институциональный канал — систему общего образования. Что, с одной стороны, опровергает утверждения, что в России проводится авторитарная коммуникационная политика, эксплуатирующая память о событиях ВОВ, с другой — нивелирует позицию тех, кто считает, что на Западе забыли историю ВМВ (Таблица 3). Но это не означает, что цели политики памяти и ее реализация на Западе комплементарны представлениям большинства россиян — приоритеты политики памяти сильно разошлись за последние десятилетия.

Таблица 3. Распределение ответов на закрытый вопрос «Насколько, по Вашему мнению, важно изучать в школе Вторую мировую войну и события, предшествовавшие ей?»¹⁰

	Очень/скорее важно	Не очень/скорее не важно
Великобритания	90	6
Франция	89	7
Германия	82	14
Италия	88	9
Испания	88	8
США	88	6

Обоснованность предыдущего наблюдения, согласно которому представители поколения цифры в значительной степени примкнули к консенсусу по вопросу о значимости Победы, подтверждается саморефлексией самих молодых людей — значительная часть (40%) в данной группе не согласны с утверждением, что современная молодежь придает Победе в ВОВ меньшее значение, чем предыдущие поколения (см. Таблицу 4). В это же время младшие миллениалы в большей степени согласны с таким утверждением, что дает повод допустить, что они считают его справедливым по отношению к своему поколению. Это наблюдение также позволяет допустить, что в поколении младших миллениалов существуют очаги критического отношения к политике памяти, проводимой в России.

Таким образом, наблюдаемый фоновый консенсус при пристальном взгляде сквозь призму поколенческой структуры общества содержит в себе скрытые факторы реализации нестандартных

⁹ Составлено авторами на основе данных, представленных в исследованиях ВЦИОМ.

¹⁰ VE Day 80: European and American attitudes towards World War 2 // YouGov [Электронный ресурс]. URL: <https://yougov.co.uk/international/articles/52114-ve-day-80-european-and-american-attitudes-towards-world-war-2> (дата обращения: 07.10.2025). Объем выборки: 1622 взрослых в Великобритании, 1081 взрослых во Франции, 2318 взрослых в Германии, 1023 взрослых в Италии, 1051 взрослых в Испании, 1152 взрослых граждан в США; сбор данных: 3–16 апреля 2025 г.

сценариев формирования культурной памяти. Мы в этом вопросе далеки от алармизма, но обязаны обозначить социологический исследовательский интерес к тонкостям формирования общественного консенсуса в молодежной среде, включая и вопрос непохожести двух младших поколений нашего общества.

Таблица 4. Распределение ответов на закрытый вопрос «Есть мнение, что современная молодежь придает Победе в Великой Отечественной войне меньшее значение, чем предыдущие поколения. А Вы согласны с этим мнением о молодежи или нет?» Один ответ, % от всех опрошенных, 2025 г.¹¹

	Все опрошенные	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Скорее согласен	68	53	69	68	72	72	63
Скорее не согласен	24	40	26	25	22	19	23
Затрудняюсь ответить	8	7	5	7	6	9	14

Разум или чувства? Доминирование эмоциональных факторов при формировании коллективной памяти не является неожиданным результатом нашего исследования. Влияние гордости и чувства единства на институционализацию национальной идентичности хорошо описано в социологии эмоций. Данная отрасль социологического знания рассматривает гордость не только как индивидуальное, но и как коллективное переживание — как «социетальные эмоции, которые создают общие переживания и настроения у населения» [Симонова 2016, 18]. Они формируют поколенческую идентичность, в некоторой степени — социальную иерархию, а также выстраивают общие нарративы.

Распространенность эмоций, связанных с национальной гордостью и единством, выше (66–67%) в поколениях, рожденных между 1968 и 2000 годом, то есть среди тех, кто в меньшей степени обладает личной (событийной) или социальной (точнее — социально-контактной) памятью о войне и Победе. Поколение оттепели, рожденное до или во время войны, испытывает гордость и другие позитивные чувства гораздо реже. Промежуточное положение между ним и более молодыми поколениями занимает поколение застоя. Историческая память этих двух поколений восходит к персональным ассоциациям и личным переживаниям.

Неожиданным результатом оказалась зафиксированная относительная эмоциональная бедность представителей поколения цифры, испытывающих рассматриваемые чувства примерно на уровне поколения застоя. При этом их отличает значительное превалирование рациональных ассоциаций, связанных с фактологией (память и история) и освобождением от угрозы (Таблица 5).

Таким образом, мы наблюдаем значительную дифференциацию между поколениями россиян в ценностно-эмоциональной и рационально-эпистемологической (историко-культурной) привязке к проявлениям культурной, политической и коллективной памяти. Эмоциональные нормы — в данном случае у нас нет сомнений в нормативном характере фиксируемых эмоций гордости и единства — следует рассматривать как расширение понятия «социальные нормы» [Троцук 2021, 614], а гордость — не только как символическую эмоцию, но и имеющую явно массовый характер [Sullivan 2018].

¹¹ Источник: Великой Победе — 80 лет! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 07.10.2025).

Таблица 5. Распределение ответов на открытый вопрос «А что лично для Вас означает Победа в Великой Отечественной войне? Вы можете назвать все, что приходит на ум, дайте несколько ответов». До пяти ответов, % от всех опрошенных, сумма ответов в категориях может превышать 100%¹²

	Все опрошенные	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982– 1991)	Реформенное поколение (1968– 1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Ценностно-эмоциональные ассоциации, в т. ч.	100	90	114	114	106	89	68
Национальная гордость и единство	58	54	66	67	66	50	36
Чувства (позитивные эмоции)	35	33	42	37	35	32	21
Праздник	7	3	6	10	5	7	11
Социально-персональные ассоциации, в т. ч.	24	7	12	20	21	34	43
Люди: родные, ветераны	24	7	12	20	21	34	43
Историко-культурные ассоциации, в т. ч.	42	62	40	44	47	30	38
Память и история	24	32	20	26	25	19	28
Освобождение	18	30	20	18	22	11	10
Другое	15	7	9	13	13	15	26
Затрудняюсь ответить	6	7	13	5	4	5	3

Событийный ряд и информированность. В отличие от рассмотренных выше ценностно-эмоциональных привязок к коллективной памяти, рациональные историко-культурные ассоциации и мотивы имеет смысл трактовать как проявления социального знания через осведомленность об исторических событиях. Среди главных событий, фактов, связанных историей ВОВ, наиболее часто называются Сталинградская битва (33% опрошенных), блокада Ленинграда (28%), Курская дуга (24%), битва за Москву (16%) и взятие Берлина (13%). Спектр ответов респондентов достаточно широкий, и обращает на себя внимание то, что каждый год войны представлен в коллективной памяти — хронологический порядок событий имеет большое значение в конструировании памяти, но необязательно выражается в датах, а определяется через место — город, регион, страну, где происходили основные сражения (Таблица 6).

Географические маркеры привязки к местам сражений (события ВОВ не являются исключением) — важнейший способ сохранения исторической памяти. Они наиболее эффективно воздействуют на память, в том числе историческую: «исконнейшее средство всякой мнемотехники — размещение в пространстве» [Асман 2004, 63].

Интерес к местам памяти возникает в особом историческом контексте — в момент, когда происходит осознание разрыва с прошлым и распад традиционной коллективной памяти. Места памяти играют ключевую роль в (ре-)конструкции памяти, поскольку они буквально заставляют сохранять и воплощать память в тот момент, когда социальные носители памяти

¹² Составлено авторами. В таблице представлены агрегированные результаты. Более подробно см.: Великой Победе — 80 лет! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 07.10.2025).

(среды памяти) начинают ослабевать: «чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [Франция-память 1999, 17].

Таблица 6. Результаты фасетной классификации ответов на открытый вопрос «Назовите, пожалуйста, главные, на Ваш взгляд, события, факты, связанные с историей Великой Отечественной войны, о которых важно помнить. Вы можете дать до 5 ответов», % от числа опрошенных, 2023 г.¹³

Фасеты	Все опрошенные	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992-2000)	Старшие миллениалы (1982-1991)	Реформенное поколение (1968-1981)	Поколение застоя (1948-1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Привязка к месту сражений ВОВ	134	117	102	92	142	140	112
Хронологические маркеры войны	113	76	88	83	129	132	105
Травма и жертвы	52	52	60	54	56	44	34
Ритуалы и символы коллективной памяти	26	28	31	25	27	25	28
Международный и освободительный контекст	24	13	21	22	26	26	13
Героизм советских людей на фронте и в тылу	14	10	23	12	16	9	21
Итоги и интерпретации	14	5	15	19	14	11	10
Метапамять: нормы и семейная память	9	5	5	11	8	11	7
Отношения с союзниками	2	0	4	2	1	2	0

Триумф или трагедия? Альтернативы для молодежи. Сравнивая результаты исследований с более чем двадцатилетним интервалом, можно наблюдать эволюцию общественного мнения по некоторым ценностным альтернативам. Например, вопрос о причинах больших потерь Советского Союза в войне, значительно превышающих потери Германии. Лидирующий ответ за все время не менялся: «внезапность нападения» (34%), и это ответ, не вызывающий эмоций. Он в полтора раза более популярен среди поколения оттепели. На втором месте — «военное и техническое превосходство Германии» (18%), а также «жестокость гитлеровцев» (18%). Последний вариант за последние два десятилетия стал популярнее более чем вдвое — причем за счет нового знания поколения цифры. Почему среди них проявился этот нарратив, не настолько популярный у старших поколений, сказать сложно.

Ответственность сталинского руководства, которое действовало не считаясь с собственными жертвами, в 2001 году был вторым по популярности (25%), а сегодня даже не входит в тройку наиболее упоминаемых (12%). И здесь вызывает вопросы позиция младших миллениалов, среди которых в полтора – два раза чаще встречаются сторонники версии «вины Сталина и его окружения». Это является результатом политики «сумерек памяти». На последнем месте ответ «слабость, неумелость советского командования» (12% в 2001 году, а сегодня только 4%) (Таблица 7). Итак, мы видим, что идет переоценка. Эта переоценка не первая и, может быть, не последняя.

¹³ Составлено авторами. В таблице представлены агрегированные результаты. Более подробно см.: Чтобы помнили! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtoby-pomnili> (дата обращения: 07.10.2025).

Таблица 7. Распределение ответов на закрытый вопрос «9 мая наша страна отмечает День Победы в Великой Отечественной войне. Потери Советского Союза в этой войне значительно превышают потери Германии. Чем, на Ваш взгляд, это в первую очередь вызвано?», % от всех опрошенных, 2001–2023 гг.¹⁴

Причины больших потерь	2001	2004	2016	2023, в т. ч.	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Внезапность нападения	37	31	34	34	35	32	31	30	37	48
Военное и техническое превосходство Германии	18	18	15	18	16	22	19	21	17	4
Жестокость гитлеровцев	8	8	12	18	23	15	19	20	16	10
Сталинское руководство действовало не считаясь с жертвами	25	29	20	12	12	19	10	13	11	10
Слабость, неумелость советского командования	12	9	7	4	1	3	4	5	6	3
Затрудняюсь ответить	0	4	11	14	13	9	17	11	14	26

Не менее тревожный сдвиг — это высокие оценки вклада союзников в Победу младшими поколениями (Таблица 10). И если мы в целом установили причины распространения космополитических нарративов в поколении миллениалов, то аналогичная позиция поколения цифры вызывает недоумение, поскольку это противоречит той лояльности, которую они проявляют в ответах на общие вопросы.

Таблица 8. Как Вы думаете, мог бы Советский Союз победить в этой войне без помощи союзников или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных), 2001–2023 гг.¹⁵

	2001	2009	2016	2023, в т. ч.	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Думаю, что да	76	63	67	66	43	47	60	71	78	68
Думаю, что нет	24	23	27	25	47	43	30	21	15	22
Затрудняюсь ответить	0	14	5	9	10	11	11	8	7	10

Содержательное отступление от консенсусного дискурса по поводу празднования Дня Победы — это еще одно подтверждение особенной позиции младших поколений, среди которых конформистское поведение уживается с представлениями, которые не могут считаться частью не только официального, но и общего гражданского нарратива о Победе. В 2024 году соотношение тех, кто считал, что «9 Мая — это самый важный праздник», и тех, кто считает, что «9 Мая должно

¹⁴ Составлено авторами на основе: Чтобы помнили! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-by-pomnili> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁵ Источник: День Победы — 2023 ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (дата обращения: 07.10.2025).

быть днем памяти и скорби», среди старших поколений составляет 4:1 или даже 5:1, а среди младших миллениалов и поколения цифры соотношение является почти паритетным¹⁶.

Чем заместить личную и коллективную память? Практически у каждого ныне живущего россиянина есть среди родственников участники Великой Отечественной войны: об этом говорят 90% опрошенных. Если старшие поколения многое знают о том, как их родственники прошли войну из рассказов своих близких, из семейных архивов, писем, фото, то молодые поколения уже чаще говорят, что знают, что их родственники участвовали в войне, но как именно и где уже не знают — только 27% поколения цифры имеют опыт личной коммуникации и знакомства с семейной историей¹⁷. При этом большинство россиян все чаще отмечают, что в их семейном кругу происходят разговоры о событиях войны (89% в 2024 г., 81% в 2018 г.).

Таким образом, личная память постепенно замещается коллективными представлениями, которые формируются институционально, через литературу, кинематограф, интернет-контент [Покида, Зыбуновская 2016, 101].

Все это помогает сохранять интерес к военной истории, и он действительно достаточно высок среди всех возрастных групп. Был момент в начале нулевых, когда мы фиксировали его снижение. Сегодня интерес вернулся, и государственная политика здесь играет большую роль, хотя он поддерживается и на низовом уровне. То есть его природа не искусственная, а вполне органичная — и это важно в контексте дальнейшего сохранения коллективной памяти о ВОВ. Но при этом сильно страдает уровень фактических знаний, господствуют мифологизация и поверхностность, особенно в массовой культуре, это все тоже надо иметь в виду. Особенно остро вопросы деформации исторического сознания стоят перед молодыми поколениями, которые постепенно утрачивают прямую коммуникацию не только с ветеранами, но и теми, кого сегодня называют детьми войны [Савченко 2021, 168].

Ответы на открытый вопрос «Что, по-вашему, нужно делать, какие меры предпринимать для сохранения памяти о Великой Отечественной войне?» обнаруживают, что наиболее консенсусной мерой по сохранению памяти о ВОВ является образовательный блок: совокупно 71% респондентов предлагают действия в сфере образования и воспитания молодежи, включая усиление школьного компонента (37%). Второй по масштабу кластер — информационная политика и пропаганда (41% суммарно), где выделяются кинопроизводство и ретроспективные показы (12%), а также идеологическая рамка: пропаганда (12%) + не искажать историю (3%), что отражает запрос как на контент, так и на его интерпретационный контроль. Инфраструктурно-мемориальные меры (сохранение памяти) занимают среднюю позицию (24%), что свидетельствует о достаточно высокой поддержке материальных и документальных опор памяти. Персонализированная память о ветеранах получает 18%, что указывает на существенную, но более нишевую ориентацию на межпоколенческое общение и практики живой памяти, особенно актуальные в контексте сокращения числа непосредственных свидетелей. Празднично-ритуальный компонент фиксируется у 15% совокупно, это подчеркивает важность ритуалов, но их относительную вторичность по сравнению с повседневными образовательными и медийными практиками. Очевидно, что этот компонент находит существенно более высокую поддержку у поколения цифры (30%) и младших миллениалов (27%)¹⁸.

¹⁶ Там же.

¹⁷ 9 мая и память о Великой войне ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁸ Великой Победе — 80 лет! // ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 07.10.2025).

Заключение

Для понимания структуры распространения социальных знаний, подпитывающих историческую память, необходимо рассмотреть структуру информированности поколений. Это можно сделать с использованием подхода А. Шютца — идеальных типов, отражающих позицию членов «мы-группы» по их участию в социальном распределении знания, но с переносом анализа с индивидуально-ролевого уровня на групповой (поколенческий) [Шютц 2003].

Поколение оттепели в представленной системе, скорее всего, занимает позицию «экспертов»: большая часть знаний, которыми они обладают, можно считать подразумеваемыми, органичными, в этом поколении самый низкий показатель ценностно-эмоциональных и самый высокий социально-персональных ассоциаций (Таблица 5), реже остальных заявляют о травме как элементе исторической памяти (Таблица 6). Их знание «ограничено замкнутой предельной сферой, в которой оно ясно и определено» [Там же, 224].

Шютц характеризует знание «людей с улицы» как знание «простых рецептов», то есть как «в типических ситуациях добиваться типических результатов типическими средствами» [Там же, 224]. В контексте нашего исследования в качестве рецептов можно рассматривать готовность участвовать в коммеморативных ритуалах без глубокой рефлексии и в то же время доверять простым объяснениям западных нарративов. Это миллениалы — младшие и старшие. Тезис о том, что «в вопросах, не связанных с практическими целями ... человек с улицы руководствуется своими чувствами и страстями», подтверждается высокой долей формирующих ценностно-эмоциональные ассоциации (Таблица 5), низкий уровень информированности о топологических и хронологических характеристиках событий военных лет, но при этом повышенная чувствительность к интерпретациям итогов войны — это проявление потребности в простых рецептах (Таблица 6).

К «хорошо информированным гражданам» в данной типологии мы бы отнесли представителей поколений застоя и реформенного поколения. Они не стремятся обладать знаниями эксперта, но, с другой стороны, они не согласны с упрощенными рецептами и противятся иррациональным страстям и чувствам. Это подтверждается крайне высокой степенью знаний фактологии войны (Таблица 7). Их действия нельзя определить как целенаправленные, но по меньшей мере интерес они проявляют, у них есть понимание того, как реализуется идентичность — через топологию и хронологию событий ВОВ.

Поколение цифры, на первый взгляд, выпадает из этой типологии. Они проявляют лояльность официальной политике памяти и консенсусу по поводу значения Победы; не были подвержены влиянию западных нарративов о чувстве вины и травмы; больше других связывает историческую память с историко-культурными ассоциациями; проявляют высокий запрос и высокую готовность к участию в массовых коммеморативных практиках. При этом среди них низкий уровень топологических и хронологических представлений (знаний) о войне; определенная доля сопротивляющихся интервенциям с целью навязать сконструированные образы.

Характеристики поколения цифры, которое, с одной стороны, вобрало в себя черты разных поколений, с другой — выражает свою обособленную позицию, невозможно интерпретировать с эволюционной или органической позиции. Здесь мы вынуждены встать на зыбкую почву гипотез и выдвинуть следующие предположения:

- процесс социализации (массовой) поколения цифры не завершен;
- при определенном стечении обстоятельств есть шансы, что это поколение будет ближе к идеальному типу «хорошо информированного гражданина»;

- для того, чтобы обеспечить устойчивую передачу социальных рамок при смене поколений необходимо усилить пространственную фиксацию памяти (музеи, мемориалы, топография);
- принимать во внимание необходимость «воспитания — передачи следующим поколениям через коммуникацию, циркуляцию — говорить о них повсеместно и постоянно» [Ассман 2004, 237].

Общественный консенсус о целях и средствах инфраструктуры памяти можно систематизировать следующим образом: ядро консенсуса — школа, институты воспитания и массовый медиаконтент; поддерживающий слой — инфраструктура памяти: памятники, музеи и архивы, обеспечивающие длительную материальную память; усилители, но не драйверы — персонализированная и ритуальная память, дополняющие картину. Для практической политики эффективна такая связка: уроки/внеклассные практики + качественная экранизация/документалистика + поддержка локальных мемориалов. Поколенческое таргетирование может строиться на следующих принципах: больше медиа для младших поколений; глубокие институционально-образовательные форматы для старших; интеграция семейной истории для повышения вовлечения.

Проведенный нами анализ достаточен для того, чтобы представить альтернативу критическим, но поверхностным интерпретациям, связывающим «поколенческую аритмию социальной памяти» с «проявлением клипового знания и сознания, сумерками исторической/социальной памяти, трансформацией идентичности, особенностями антропогенеза нового поколения, сокращением территории исторической памяти» [Широкалова 2020, 35].

Исследуя историческую память о Великой Отечественной войне, мы должны принимать во внимание и возникновение сильного нарратива Специальной военной операции на Украине. Мы пока не понимаем, какое влияние это событие после своего завершения будет оказывать на представления о героизме, интерпретацию причин и итогов, сохранение памяти о павших бойцах; не можем пока определить преимущества и недостатки эмоционального или рационального восприятия этих событий; будут ли эти нарративы конкурирующими или комплементарными. В любом случае опыт сохранения памяти о ВОВ и Победе будет оказывать сильное влияние на приоритеты политики памяти по отношению и к событиям современности.

Список литературы:

- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Бешкинская В.С., Миллер А.И. Страдания, подвиг тыла и общая ответственность за войну // Россия в глобальной политике. 2020. № 5. С. 60–88. DOI: [10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232](https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232)
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Кулешова Н.Ю. Концептуальное обеспечение Западом пересмотра истории Второй мировой войны и роли в Победе СССР // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции. Сер. «II: Исторические исследования, 129. Труды исторического факультета МГУ. Выпуск 194». СПб.: Алетейя, 2021. С. 428–436.
- Линченко А.А., Головашина О.В., Аникин Д.А., Сысоев А.С., Калитвин В.А. Память о Великой Отечественной войне в комментариях к региональным интернет-СМИ: опыт комбинации машинного обучения и критического дискурс-анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 2. С. 45–65. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2552](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552)

Малинкин А.Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23–34. DOI: [10.31857/S013216250009409-2](https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2)

Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015.

Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А. Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое. 2022. № 2. С. 112–136. DOI: [10.18522/2500-3224-2022-2-112-136](https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-112-136)

Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.

Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020.

Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Савченко И.А. «Сумерки памяти» неизбежны? // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 166–171. DOI: [10.31857/S013216250011508-1](https://doi.org/10.31857/S013216250011508-1)

Симонова О.А. Базовые принципы социологии эмоций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. № 4. С. 12–27. DOI: [10.21638/11701/spbu12.2016.401](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401)

Троцук И.В. Как возможна социология эмоций, и что она дает для понимания счастья и справедливости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. №. 3. С. 610–622. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622)

Франция-память / под ред. П. Нора. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1999.

Широкалова Г.С. Историческая память молодежи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28–37. DOI: [10.31857/S013216250010005-8](https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8)

Шютц А. Хорошо информированный гражданин. // Ведомости. 2003. № 23. С. 241–262.

Cheng H., Phillips M. Secondary Analysis of Existing Data: Opportunities and Implementation // Shanghai Archives of Psychiatry. 2014. Vol. 26. Is. 6. P. 371–375. DOI: [10.11919/j.issn.1002-0829.214171](https://doi.org/10.11919/j.issn.1002-0829.214171)

Herring S.A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. Vol. 4. URL: <https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/li/article/view/37562>

Park H., Han J. Beyond Taste Hierarchy?: Inclusionism vs. Cynicism in Korean Cultural Valuation Scheme // Journal of Asian Sociology. 2024. Vol. 53. Is. 3. P. 309–342. DOI: [10.21588/dns.2024.53.3.005](https://doi.org/10.21588/dns.2024.53.3.005)

Schuman H., Scott J. Generations and Collective Memories // American Sociological Review. 1989. Vol. 54. Is. 3. P. 359–381. DOI: [10.2307/2095611](https://doi.org/10.2307/2095611)

Sullivan G.B. Collective Pride, Happiness, and Celebratory Emotions: Aggregative, Network, and Cultural Models // Collective Emotions: Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology / ed. by C. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 266–280. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018)

References:

Assmann A. (2014) *Der Lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Moscow: NLO.

Assmann J. (2004) *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Beshkinskaya V.S., Miller A.I. (2020) Suffering, Feat of The Home Front and Shared Responsibility for the War. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 18. No. 3. P. 200–222. DOI: [10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232](https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-3-200-232)

- Brubaker R. (2012) Ethnicity without Groups. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Cheng H., Phillips M. (2014) Secondary Analysis of Existing Data: Opportunities and Implementation. *Shanghai Archives of Psychiatry*. Vol. 26. Is. 6. P. 371–375. DOI: [10.11919/j.issn.1002-0829.214171](https://doi.org/10.11919/j.issn.1002-0829.214171)
- Herring S. (2007) A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*. Vol. 4. Available at: <https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/li/article/view/37562>
- Kuleshova N.Yu. (2021) Western Conceptual Revision of the History of World War II and the Role of the USSR in the Victory. *Voina v chelovecheskom izmerenii: ideologiya, psikhologiya, povsednevnost', istoricheskaya pamyat'. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ser. «II: Istoricheskiye issledovaniya, 129. Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Vypusk 194»*. Saint Petersburg: Aleteya. P. 428–436.
- Linchenko A.A., Golovashina O.V., Anikin D.A., Sysoev A.S., Kalitvin V.A. (2025) Memory of the Great Patriotic War in Comments to Regional Media: An Experience of Combining Machine Learning and Discourse Analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. No. 2. P. 45–65. DOI: [10.14515/monitoring.2025.2.2552](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.2.2552)
- Malinkin A.N. (2020) Historical Memory of the Great Patriotic War: Epistemologic and Genealogic Aspects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 5. P. 23–34. DOI: [10.31857/S013216250009409-2](https://doi.org/10.31857/S013216250009409-2)
- Malinova O.Yu. (2015) *Aktual'noye proshloye: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [The current past: The symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- Malinova O.Yu., Miller A.I., Pakhalyuk K.A. (2022) Regional Aspects of Memory Politics in Russia. *Novoye proshloye*. No. 2. P. 112–136. DOI: [10.18522/2500-3224-2022-2-112-136](https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-112-136)
- Nora P. (ed.) (1999). *Les Lieux de mémoire*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta.
- Park H., Han J. (2024). Beyond Taste Hierarchy?: Inclusionism vs. Cynicism in Korean Cultural Valuation Scheme. *Journal of Asian Sociology*. Vol. 53. Is. 3. P. 309–342. DOI: [10.21588/dns.2024.53.3.005](https://doi.org/10.21588/dns.2024.53.3.005)
- Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2016) Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 98–107.
- Radaev V.V. (2019) *Millenialy: Kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo*. [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Repina L.P. (ed.) (2020) *Proshloye dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy natsional'noy identichnosti* [The Past for the present: History-memory and narratives of national identity]. Moscow: Akvilon.
- Savchenko I.A. (2021) Is the “Twilight of Memory” Inevitable? *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 3. P. 98–107. DOI: [10.31857/S013216250011508-1](https://doi.org/10.31857/S013216250011508-1)
- Schuman H., Scott J. (1989) Generations and Collective Memories. *American Sociological Review*. Vol. 54. Is. 3. P. 359–381. DOI: [10.2307/2095611](https://doi.org/10.2307/2095611)
- Schütz A. (2003) Der gut informierte Bürger. *Vedomosti*. No. 23. P. 241–262.
- Shirokalova G.S. (2020) Historical Memory of the Young People: Village Vs City. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 9. P. 28–37. DOI: [10.31857/S013216250010005-8](https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8)
- Simonova O.A. (2016) Basic Principles of the Sociology of Emotions. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*. No. 4. P. 12–27. DOI: [10.21638/11701/spbu12.2016.401](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.401)
- Sullivan G.B. (2018) Collective Pride, Happiness, and Celebratory Emotions: Aggregative, Network, and Cultural Models. In: von Scheve C., Salmela M. (eds.) *Collective Emotions: Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology*. Oxford: Oxford University Press. P. 266–280. DOI: [10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0018)
- Trotsuk I.V. (2021) How Sociology of Emotions Is Possible, And How It Helps to Understand Happiness and Justice. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. Vol. 21. No. 3 P. 610–622. DOI: [10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-3-610-622)